ResearchGate

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: https://www.researchgate.net/publication/364445292

Образовательная политика Европейского союза, Турции и России в отношении Грузии в начале XXI в.

Article · October 2022

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi03

CITATIONS
0

READS
119

1 author:

Artyom Yenokyan
Peoples' Friendship University of Russia
2 PUBLICATIONS **1** CITATION

SEE PROFILE

All content following this page was uploaded by Artyom Yenokyan on 20 October 2022.

The user has requested enhancement of the downloaded file.

СТАТЬИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi03 УДК 93/94

Образовательная политика Европейского союза, Турции и России в отношении Грузии в начале XXI в.

А.В. Енокян, С.Б. Закарян, Г.М. Турава

Аннотация. В настоящей работе предпринята попытка исследовать вопрос использования привлекательности высшего образования в качестве инструмента долгосрочного политического влияния. Геополитическая значимость Грузии обусловливает стремление различных мировых политических игроков укрепить свое влияние в этой стране и регионе в целом. Авторы статьи, опираясь на концепцию «мягкой силы», рассмотрели политику Европейского союза, Турции и России в образовательной сфере, особенно в области высшего образования, по отношению к Грузии. Проведенный анализ позволил выявить ряд основных тенденций, а также определить наиболее привлекательную для Грузии образовательную модель.

Ключевые слова: высшее образование, Евросоюз, «мягкая сила», Турция, Южный Кавказ, Грузия.

Abstract. This article attempts to examine the use of the attractiveness of higher education as a tool of long-term political influence. The geopolitical significance of Georgia determines the willingness of various world politics actors to strengthen their influence in Georgia and the region as a whole. The authors of the article, relying on the concept of «soft power», examined the policy of the European Union, Turkey and Russia in the educational sphere in relation to Georgia. Particular attention was paid to the existing relations in the field of higher education between Georgia and those actors. The analysis made it possible to identify a number of main trends and to determine the most attractive educational model for Georgia.

Key words: higher education, European Union, soft power, Turkey, South Caucasus, Georgia.

После распада СССР новообразованные государства Южного Кавказа стали объектами активной политики региональных, а также внерегиональных участников мировой политики. С началом нового века Южный Кавказ не утратил своего значения одного из самых важных регионов мира и остается территорией конкурентной борьбы основных политических игроков.

Ведущие державы мира взяли на вооружение политику «мягкой силы, основанную на привлечении, а не на принуждении. В этом контексте мы рассмотрим образовательную политику Европейского союза, Турции и России на примере южно-кавказской республики — Грузии. Политика ЕС в образовательной сфере вписывается в концепцию и задачи внешнеполитического вектора современной Грузии, для руководства

которой основной целью является европеизация страны. Исторически регион Южного Кавказа находился в сфере влияния России. Несмотря на отсутствие сегодня дипломатических отношений между Россией и Грузией, образовательные связи двух стран сохраняются. В то же время своей заинтересованности в регионе никогда не скрывала Турция, и на сегодняшний день она успешно наращивает свое присутствие в Грузии.

Теоретической базой исследования выступает упомянутая нами выше концепция «мягкой силы» (soft power). Это понятие было введено в научный оборот авторитетным американским политологом Джозефом Наем. По его мысли, «мягкая сила», в отличие от «жесткой силы» (hard power), определяется как способность привлекать и формировать предпочтения других [1]. Он выделял три ее ключевых ресурса: культура, политические ценности и внешняя политика [2]. В целом, несмотря на существующую и порой конструктивную критику наевской концепции, она обладает аналитическим потенциалом, позволяющим раскрыть тему настоящего исследования.

Подчеркнем, что Най отмечал важность высшего образования как неотъемлемого компонента «мягкой силы» [3]. Однако, признавая важность сферы высшего образования, он не стремился углубляться в этот вопрос. Тема корреляции высшего образования и политики «мягкой силы» нашла отражение в работах других авторов — как российских, так и зарубежных. Китайский исследователь Ли утверждал, что высшее образование является структурным элементом «мягкой силы» [4]. Российский ученый М. Неймарк указал на значимость так называемой стратегической триады «культура — образование — наука» [5] для эффективной реализации политики «мягкой силы».

Польские авторы А. Войчук, М. Михалек, М. Штормовска на основе эмпирического анализа концептуализируют образовательной сегмент «мягкой силы», выделяя три его ключевых механизма: 1) образование как носитель подлинных ценностей, интересных для иностранной аудитории; 2) как ресурс, которым обладает страна; 3) как инструмент в достижении определенных целей [6].

Схожим образом российский исследователь П.Б. Паршин дифференцирует два понимания «мягкой силы»: технологическое и ресурсное. С одной стороны, «мягкая сила» — это технология, представляющая собой совокупность инструментов и сформировавшихся практик, с другой — ресурс, которым можно обладать лишь потому, что его наличие признается другими участниками и обеспечивает его обладателю притягательность [7].

Енокян Артём Вачаганович — аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов. E-mail: Yenoqyan.artyom@mail.ru; *Закарян Сурен Багратович* — аспирант Российского университета дружбы народов. E-mail: zakaryan.sb@gmail.com; *Турава Георгий Мерабиевич* — аспирант Российского университета дружбы народов. E-mail: george.turava93@gmail.com.

Enokyan Artyom V. — postgraduate student, assistant of the Department of theory and history of international relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). E-mail: Yenoqyan.artyom@mail.ru; *Zakaryan Suren B.* — post-graduate student at RUDN University. E-mail: zakaryan.sb@gmail.com; *Turava Georgiy M.* — post-graduate student at RUDN University. E-mail: george.turava93@gmail.com.

В продолжение такой логики С. Люкс справедливо замечает, что сила (power) необязательно должна быть активной (active), поскольку иногда «неактивная сила» (inactive power) способствует ситуации, когда можно добиться необходимых результатов, не предпринимая никаких действий, и вследствие благоприятного отношения к этому субъекту приносит положительный результат [8]. Следовательно, привлекательность образования как компонента «мягкой силы» может являться не столько результатом целенаправленной политики, сколько опосредованным итогом, вытекающим из привлекательности внутреннего развития того или иного государства.

Можно заключить, что в зависимости от участника международных отношений и восприимчивости страны-реципиента высшее образование, являющееся неотъемлемой частью политики «мягкой силы», выступает в одном случае как инструмент для усиления влияния, в другом — как определенный ресурс, скрытая сила, ориентироваться на которую стремятся соседствующие (и не только) государства.

В 1999 г. в Болонском университете министрами образования 29 стран Европы была подписана декларация, положившая начало Болонскому процессу. Продвижение Болонского процесса связано с включением в него внешнего измерения, поскольку «европейское образование должно быть открытым и привлекательным для других регионов мира» [9].

В процессе экстернализации Болоньи растет и роль Евросоюза, занявшего центральное место в разработке и проектировании европейской зоны высшего образования. Следовательно, Болонский процесс рассматривается как ресурс «мягкой силы» ЕС. Принципиально важно, что доминирующая роль ЕС в Болонском процессе обусловлена, помимо экономических и культурных оснований, геополитическим фактором — стремлением быть одним из ключевых международных действующих лиц в области высшего образования [10].

Грузия установила тесные отношения с ЕС в 1990-х гг. «Революция роз» в Грузии в ноябре 2003 г. и последовавшие за ней политические изменения оказали серьезное влияние на формирование внешнеполитического вектора страны. Официально объявленной целью государства является присоединение к Европейскому союзу и НАТО [11]. Правительство и народ Грузии считают себя неотъемлемой частью западного мира.

Очевидно, что соответствие стандартам европейского высшего образования хорошо вписывается в более широкой контекст процесса европеизации Грузии. По словам грузинских авторов, включение в Европейское пространство высшего образования открывает перед Грузией уникальную возможность интеграции с Европой [12].

Правительство страны инициировало широкомасштабную реформу в сфере образования. В 2004 г. был принят закон «О высшем образовании» [13], в который с течением времени были внесены изменения.

В 2005 г. Грузия по итогам конференции министров образования европейских стран в Бергене официально присоединилась к Болонскому процессу [14]. Именно с 2005 г. происходит последовательная имплементация болонских положений, обеспечившая переход на трехуровневую систему высшего образования в Грузии [15]. Важным этапом в вопросе построения «прозрачной» системы высшего образования стало введение единого на-

ционального экзамена [16], это позволило уменьшить коррупционную составляющую в системе высшего образования, а также обеспечить его доступность для талантливых студентов из малообеспеченных семей [17].

Вехой в реализации внешнеполитической линии Грузии стало подписание с Евросоюзом соглашения об ассоциации в 2014 г. В тексте соглашения отдельные главы посвящены сотрудничеству между сторонами в области высшего образования [18]. Следует заметить, что в 2016 г. между Европейской комиссией и министерством образования и науки Грузии было подписано соглашение о присоединении страны к инициативе «Горизонт 2020» — рамочной программе Евросоюза для исследований и инноваций [19]. Программа обладает внушительным бюджетом, что делает ее интересной для грузинских университетов, исследовательских институтов и предприятий.

С 2015 г. Грузия принимает активное участие в программе ЕС ERASMUS+ (табл. 1).

Таблица 1

Количество участников ERASMUS+ из Грузии / в Грузию [20]

Год	Уезжающие из Грузии	Приезжающие в Грузию	Общее количество
2015	695	190	885
2016	989	570	1 559
2017	818	515	1 333
2018	1 109	699	1 808
2019	1 144	751	1 895
2020	1 754	1 134	2 888
Итого:	6 509	3 859	10 368

Приведенная в табл. 1 статистика демонстрирует рост количества грузин, принимающих участие в этой программе ЕС. Кроме того, за пять лет в три раза увеличилось количество иностранных студентов, приезжающих в Грузию. Вероятнее всего, это связано с тем, что из 55 высших учебных заведений Грузии 32 включены в программу мобильности ERASMUS+ [21]. Значительно ширится и география партнеров грузинских вузов.

В области науки также происходит процесс интернационализации. Согласно статистике, представленной на сайте Scopus, количество международных публикаций грузинских ученых возросло, что позволило стране выйти на первое место в регионе [22].

Таким образом, процесс интернационализации высшего образования в Грузии становится непрерывным, он обеспечивает увеличение потока студентов и сотрудников вузов, участвующих в академической мобильности. Эти процессы повышают качество преподавания и исследований, мотивируют студентов и сотрудников, что, в конце концов, в целом положительно влияет на ситуацию в высшем образовании этой южно-кавказской республики. Однако существует и ряд серьезных проблем, решение которых требует комплексного подхода [23].

Необходимо остановиться на теме образования властной элиты Грузии. Н. Мосаки на основе обширного биографического материала проанализировал образовательный бэкграунд грузинской политической элиты и пришел к выводу, что львиная дола ее представителей получила образование на Западе, причем смена власти в 2012 г. не привела к каким-либо ощутимым изменениям в этом вопросе [24]. Он также добавляет, что полученный опыт обучения вкупе с усвоением западного мировоззрения оказывает прямое воздействие на российско-грузинские взаимоотношения.

Профессор Оксфордского университета грузинского происхождения М. Чанкселиани указывает на тесную корреляцию между зарубежным образованием и уровнем демократии в странах бывшего СССР. Основываясь на эмпирическом материале, она отмечает, что чем больше количество студентов, обучающихся в Европе или США, тем выше уровень демократического развития. Концептуально эта взаимозависимость объясняется тем, что обучение в развитых и демократически устойчивых странах увязывается с процессом социализации обучающихся и развитием их гражданского сознания [25]. Иными словами, университеты в демократических условиях играют решающую роль в формировании и развитии демократического общества. Вузы играют ключевую роль в передаче демократических ценностей и могут рассматриваться «как основные социальные институты, формирующие демократическое развитие».

Суммируя сказанное, можно заключить, что политические аспекты Болонского процесса сыграли решающую роль в решении Грузии стать его участником. Помимо возможности реформирования высшего образования путем имплементации положений Болонского процесса, присоединение к нему может рассматриваться как подтверждение принадлежности Грузии к европейской семье или, другими словами, признание ее «европейскости». Включение в Болонский процесс расценивается грузинским политическим руководством как один из этапов, формирующих политическую элиту страны и ведущих к ее членству в ЕС.

Основываясь на формах и направлениях международного сотрудничества в сфере образования, которые определены статьей 105 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [26], развитие образовательного сотрудничества России вписывается в повестку формирования двусторонней дипломатии в отношении Грузии и других стран постсоветского пространства Грузии. Исторический опыт свидетельствует о большом значении образовательного сотрудничества для укрепления взаимопонимания и взаимного доверия, а следовательно, и создания прочной базы межгосударственных отношений.

Развитие сотрудничества в сфере науки и образования — один из ключевых и действенных механизмов реализации Россией стратегии «мягкой силы». Следствием подобной стратегии являются успешные инициативы российского правительства в развитии гуманитарного и образовательного взаимодействия, в том числе с государствами ближнего зарубежья. Так, в 2019 г. был дан старт федеральному проекту «Экспорт образования», действующему в рамках национального проекта «Образование». Главной целью проекта является повышение привлекательности

и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг [27].

Немаловажную роль в этом направлении также играет деятельность неправительственных организаций. Так, с 2013 г. действует Грузино-российский общественный центр имени Е.М. Примакова, учрежденный при содействии Фонда Горчакова и Института международных отношений в г. Тбилиси.

Именно путем развития научно-образовательного сотрудничества можно добиться качественного изменения ситуации в двусторонних отношениях.

В условиях отсутствия дипломатических отношений между Российской Федерацией и Грузией (были разорваны в августе 2008 г. по решению Тбилиси) одним из важных направлений сотрудничества являются отношения в сфере науки и образования. Добавим, что в настоящее время двусторонний политический диалог поддерживается в рамках международных Женевских дискуссий и регулярных пражских встреч спецпредставителя премьера Грузии по урегулированию отношений с Российской Федерацией З. Абашидзе и председателя Комитета Совета Федерации Российской Федерации по международным делам Г.Б. Карасина. Пражские переговоры между Россией и Грузией являются неформальным дипломатическим процессом, начатым в 2012 г. Последние переговоры состоялись в ноябре 2020 г. в формате видеоконференции. Стороны традиционно обсуждали экономические и гуманитарные вопросы.

Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, динамика количества граждан Грузии, которые обучаются в российских вузах, остается довольно стабильной, хотя и значительно отличается от показателей до 2008 г. К примеру, количество граждан Грузии, поступивших в российские вузы в 2008/2009 учебному году, составило 1 169 чел., тогда как спустя несколько лет оно равнялось в среднем 900 чел. за академический год, иногда опускаясь до 767 чел., как, например, в 2016/2017 учебном году (табл. 2).

Таблица 2

Динамика количества граждан Грузии, обучавшихся в российских вузах, за 2008—2018 гг. [28]

Учебный год	Количество граждан Грузии, обучавшихся в российских вузах, чел.
2008/2009	1 169
2009/2010	956
2010/2011	903
2011/2012	907
2012/2013	936
2013/2014	977
2014/2015	997
2015/2016	812
2016/2017	767
2017/2018	991

Положительная динамика наблюдается и в выделении государственных квот для обучения гражданам Грузии в российских вузах за счет средств федерального бюджета. Так, за пять лет количество бюджетных мест для граждан Грузии увеличилось на 23. Отметим, что все выделяемые квоты реализуются в полном объеме и граждане Грузии имеют возможность бесплатно обучаться в ведущих российских вузах. Ежегодное выделение квот проходит в рамках Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия о сотрудничестве в области культуры, науки и образования от 30 августа 1994 г. (табл. 3) [29].

Таблица 3

Динамика выделения государственных квот на обучение граждан Грузии в российских вузах, 2014—2021 гг. [30]

Учебный год	Количество государственных стипендий для обучения граждан Грузии в российских вузах за счет средств федерального бюджета, чел.
2014/2015	97
2015/2016	90
2016/2017	103
2017/2018	110
2018/2019	120
2019/2020	125
2020/2021	120—130

Следует указать на хоть и незначительные, но все же наличествующие связи между высшими образовательными учреждениями России и Грузии. Преимущественно активны в этом направлении российские региональные вузы. К примеру, между Ставропольским университетом и Тбилисским гуманитарным учебным университетом действует соглашение о сотрудничестве, подписанное 24 ноября 2015 г. [31]

Обширную базу соглашений с научно-образовательными организациями Грузии имеет Донской государственный технический университет. Договоры, меморандумы, соглашения подписаны с Грузинским техническим университетом (2018 г.), Тбилисским государственным университетом (2015 г.), Национальной академией наук Грузии (2014 г.).

Таким образом, несмотря на имеющиеся противоречия между двумя странами, взаимодействие в образовательной сфере осуществляется на постоянной основе. Однако культурно-гуманитарные связи, особенно в образовательной сфере, необходимо расширять. Во-первых, предлагается увеличить количество государственных стипендий для обучения гражданам Грузии в российских вузах за счет средств федерального бюджета. Во-вторых, следует укрепить связи между университетами двух стран, наладить практику академического обмена на основании контракта-паритета. В этом случае обучение будет проходить на паритетных началах и за него не будут взиматься денежные средства. В-третьих, необходимо актуализировать нормативно-правовую базу двустороннего сотрудничества в области культуры, науки и образования.

Особую роль Грузии в контексте своей региональной политики на Южном Кавказе отводит Турция. После распада СССР Грузия приобрела роль безальтернативного «моста», который обеспечивает связь Турции с ее ключевым партнером в регионе — Азербайджаном, а также тюркоязычными странами Центральной Азии. С учетом этого Турция со второй половины 1990-х гг. начала развивать отношения с Грузией, которые обе стороны нередко называют стратегическими [32]. Турция стала рассматривать Грузию как партнера для реализации крупных энергетических проектов и транспортировки каспийских энергоресурсов, и еще к концу прошлого века были достигнуты важные результаты почти во всех сферах.

Активизация политики «мягкой силы» Турции, в том числе в отношении Грузии, началась после 2002 г., с приходом к власти в стране партии «Справедливость и развитие» (Adalet ve Kalkınma Partisi) [33]. Партия придавала особое значение стратегии «мягкой силы» во внешней политике и стала активно использовать экономические, культурно-образовательные, политические инструменты для достижения своих целей в соседних странах. Ощутимых успехов удалось добиться в Грузии. Благодаря бывшему лидеру Ахмету Давутоглу (министр иностранных дел Турции в 2009—2014 гг., премьер-министр в 2014—2016 гг.), партия «Справедливость и развитие» в рамках неоосманской идеологии [34] на основе доктрины «стратегической глубины» (Stratejik Derinlik) [35] приняла новую концепцию внешней политики. Лозунг концепции — «Ноль проблем с соседями» (Komşularla Sıfır Sorun) [36], который предполагал взаимный диалог и решение конфликтов, углубление экономических и культурно-образовательных связей, в скором времени принес первые плоды. Турция смогла усилить свое влияние и присутствие во многих соседних странах с помощью экономических, политических, технологических, научных и культурно-образовательных инструментов «мягкой силы». Помимо министерства иностранных дел, министерства туризма и культуры, министерства общественной дипломатии, в Турции были созданы несколько крупных ведомств для реализации данной политики. Из них в Грузии активную деятельность ведут Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (TİKA), Фонд Юнуса Эмре и Управление по делам религии Турции (диянат).

Турецкое агентство TİKA, которое было образовано в 1994 г. и начало вести активную деятельность в Закавказье, осуществляло крупные проекты не только в культурно-образовательной сфере, но и в экономике, здравоохранении, туризме и т. д. В их рамках в Грузии строились школы и другие образовательные учреждения, а одним из главных достижений TİKA после 2000 г. стал масштабный проект «Тюркология», на основе которого грузинские университеты стали внедрять в свои учебные программы турецкий язык и основы турецкой культуры [37]. TİKA продолжает свою активную деятельность в Грузии. На постсоветском пространстве Грузия по количеству и масштабам проектов TİKA занимает второе место после Киргизии [38].

Особую роль в реализации стратегии «мягкой силы» играет турецкий Институт Юнуса Эмре, который своей основной целью считает распространение турецкой культуры и турецкого языка во всем мире [39]. Институт со дня основания (2007 г.) успел открыть по всему миру 58 филиалов.

В 2011 г. в Тбилисском государственном университете имени И. Джавахишвили был открыт культурный центр Юнуса Эмре [40]. По данным филиала Института Юнуса Эмре в Тбилиси, «жители Грузии проявляют интерес не только к турецкому языку, но и культуре» [41]. Российские исследователи А.В. Аватков и Е.Е. Чулковская, проанализировав деятельность центров культуры имени Юнуса Эмре, пришли к выводу, что подобные учреждения представляют собой важный механизм лоббирования интересов Турции [42].

Особый исследовательский интерес представляет статистика количества граждан Грузии, отправившихся в Турецкую Республику для получения высшего образования. Согласно статистике Министерства образования Турции, в 2018 г. в турецких университетах (главным образом государственных) собирались проходить обучение 689 студентов из Грузии: 256 женщин и 433 мужчины [43]. По данным за 2013—2018 гг., уехавшие из Грузии студенты обучались примерно в 80 турецких вузах, большинство — в университете Реджепа Тайипа Эрдогана в Ризе (рис. 1).

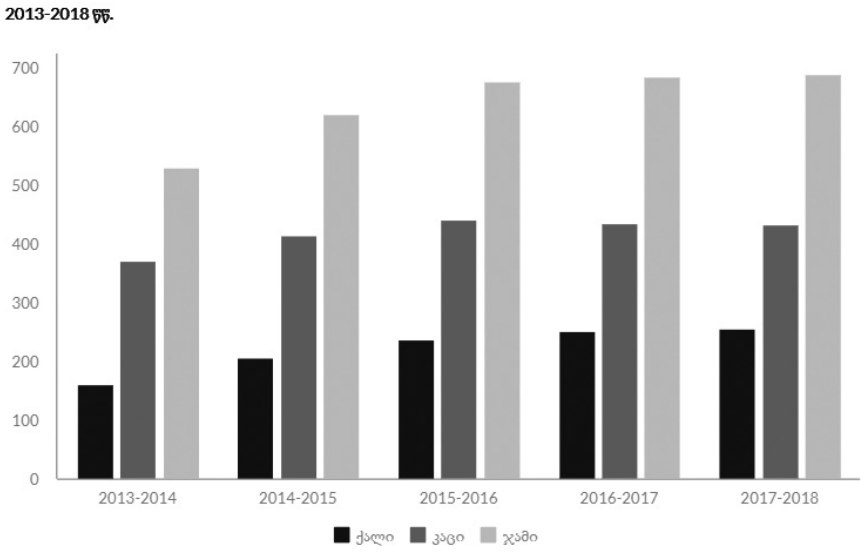

Рис. 1. Количество грузинских студентов в Турции (2013—2018 гг.): первый столбец — женщины, второй — мужчины, третий — всего студентов [44]

В грузинской образовательной среде особое место занимают турецкие негосударственные учебные заведения и университеты. Наиболее известные и активные среди них те, что были основаны организацией «Фетхуллахчылар» (также известна как «Нурджулар», «Хизмет»), лидером которой является Фетхуллах Гюлен. Деятельность движения до 2016 г. полностью поддерживалась турецким руководством, однако после неудавшегося государственного переворота 15 июля 2016 г., в организации которого обвинялись гюленисты, государство не только перестало поддерживать движение «Хизмет», но и начало активную борьбу против него. Представители движения появились в Грузии еще в 1980-х гг., однако активную и открытую деятельность начали вести после распада СССР и подписания «рамочного» договора в 1992 г. между Турци-

ей и Грузией [45]. Основной целью движения в Грузии стало приобретение влияния в образовательной среде и образовательной политике страны [46]. Гюленовские учебные организации не только занимались преподаванием и образовательными программами, но и стали активными проводниками внешнеполитической стратегии Турции. Под покровительством гюленовской организации «Учебно-просветительские заведения в Грузии» (образовательная сеть «Чаглар» / Çhaglar) в Грузии действовали семь школлицеев, однако после того как движение «Хизмет» было запрещено, две из них закрылись. Национальный центр Грузии по развитию качества образования в августе 2017 г. приостановил авторизацию колледжа имени Демиреля, а в феврале — престижной школы-лицея имени Реффадина Шахина [47]. Часть общественности и ряд грузинских экспертов считают, что причина крылась не в нарушениях, а требованиях Турции закрыть гюленовские учебные заведения [48]. Давление на Тбилиси Анкара оказала и в плане университетов. Удар пришелся на Международный черноморский университет (IBSU), который функционировал с 1995 г. и стал одним из самых популярных вузов в Грузии. В августе 2018 г. Совет авторизации высших учебных заведений Грузии на год лишил университет права принимать новых студентов, объяснив это финансовыми проблемами вуза [49]. Министерство образования Грузии отвергает политическую составляющую в вопросах гюленовских учебных заведений в Грузии, однако бывший министр образования Гия Нодия и эксперты уверены, что столь жесткие меры в отношении сразу нескольких школ сети «Чаглар» и Черноморского университета дают лишний повод обвинить грузинские власти в потакании интересам Турции [50].

Турция в полной мере реализует свою политику «мягкой силы» в отношении Грузии. Она все активнее внедряется в государственные и общественные сферы страны и особенно в область культуры и образования. В регионах, населенных преимущественно мусульманами (Аджария, Квемо-Картли), такая политика стала особенно эффективной и способствовала формированию привлекательного образа Турции.

В заключение отметим, что мировые и региональные державы после распада СССР не перестали вести активную политику на Южном Кавказе и особенно в Грузии. В рамках концепции «мягкой силы» они добиваются присутствия в регионе, выстраивая свою политику на основе тактики привлечения, а не принуждения. Одним из инструментов политики «мягкой силы» является сфера образования, которая занимает одно из ведущих мест во внешнеполитической линии ЕС, Турции и России. Вышеперечисленные мировые игроки осознают, что влияние «мягкой силы», в отличие от «жесткой силы», более эффективно и долгосрочно.

На наш взгляд, с точки зрения эффективности применения политики «мягкой силы» в Грузии, лидирующие позиции занимает ЕС, а важное место в его внешнеполитической повестке отводится образованию. Для Грузии включение в Европейское пространство высшего образования — отличная возможность для более глубокой интеграции в Европу. Привлекательность европейского образования выражается в том числе в цифрах. Грузия, со своей стороны, активно интегрируется в европейскую образовательную среду, там же формирует свою политическую элиту и добивается признания своей «европейскости».

Для России развитие научно-образовательного сотрудничества с Грузией играет важную роль, а эта сфера является одним из ключевых и действенных механизмов реализации стратегии «мягкой силы». Кризис взаимоотношений после 2008 г. сильно ухудшил отношения между Россией и Грузией. Изменения претерпели и взаимоотношения в сфере образования, однако количество граждан Грузии, которые обучаются в российских вузах, осталось стабильным. Сегодня, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, именно сотрудничество в сфере науки и образования играет важную роль для восстановления диалога. В то же время образовательное сотрудничество Грузии с Россией недостаточно развито и проигрывает в конкурентной борьбе взаимодействию с Турцией и Европой.

В контексте нашего исследования особый интерес представляет политика Турции в регионе Южного Кавказа. Турция не уступает по своей активности другим региональным и международным игрокам и очень часто недооценивается ими. Как итог, Турция за последние два десятилетия смогла в полной мере реализовать свою внешнюю политику в Грузии, внедрить туда свои инструменты «мягкой силы», сформировать привлекательный образ не только для мусульманского (Аджария, Квемо-Картли), но и для основного населения Грузии. Из этого следует, что турецкое образование считается среди грузин престижным и перспективным, причем с каждым годом увеличиваются квоты и растет число студентов. Со своей стороны, Турция демонстрирует высокую заинтересованность в расширении образовательных, культурно-религиозных, экономических программ, укрепляя таким образом свое стремление утвердиться в роли регионального лидера.

Примечания

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19—18—00165).

1. NYE J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY. 2004, p. 21—26.
2. Ibidem.
3. URL: https://library.educause.edu/-/media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf.pdf
4. LI J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education Globalization and Universities in China and the World. Singapore. 2018, p. 18.
5. НЕЙМАРК М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М. 2017, с. 75.
6. WOJCIUK A., MICHALEK M., STORMOWSKA M. Education as a Source and Tool of Soft Power in International Relations. — European Political Science. 2015. Vol. 14, p. 2.
7. ПАРШИН П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия. — Вестник МГИМО-Университета. 2014, с. 16.
8. LUKES S. Power and the Battle for Hearts and Minds. On the Bluntness of Soft Power. In: Berenskoetter F. and Williams M.J. (eds.). Power in World Politics. NY. 2007, p. 83—97.
9. URL: http://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2005_Bergen/52/0/2005_Bergen_Communique_english_580520.pdf
10. DALE R. Contexts, Constraints and Resources in the Development of European Education Space and European Education Policy. In: Globalisation and Europeanisation in Education, edited by Roger Dale and Susan Robertson. Oxford. 2009, p. 23—43.
11. Ibidem.
12. URL: https://mfa.gov.ge/getattachment/MainNav/ForeignPolicy/ForeignPolicyStrategy/2019-2022-clebis-saqartvelos-sagareo-politikis-strategia.pdf.aspx

13. GLONTI L., CHITASHVILI M. The Nuts and Bolts of Higher Education Reform in Georgia. In: Creating the European Area of Higher Education. Voices from the Periphery, edited by Voldemar Tomusk. Budapest. 2007, p. 209—227.
14. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/download/32830/45/ru/pdf
15. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/75473/
16. URL: http://erasmusplus.org.ge/files/publications/Strategic%20Development%20of%20HE%20and%20Science%20in%20Georgia%20-%20en.pdf
17. CHAKHAIA L., BREGVADZE T. Georgia: Higher Education and Institutional Diversity. In: 25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries, edited by Huisman J., Smolentseva A., Froumin I. Cham. 2018, p. 175—197.
18. URL: https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=OJ: L:2014:261: FULL&from=EN
19. URL: https://www.euneighbours.eu/ru/east/stay-informed/news/gruzia-prisoedinaetsa-k-programme-gorizont-2020-issledovatelsko
20. URL: http://erasmusplus.org.ge/en/projects/from-2014
21. URL: http://erasmusplus.org.ge/files/publications/Research%20Projects/ENG/15%20Years%20of%20Bologna%20Process%20in%20Georgia.pdf
22. URL: https://www.scimagojr.com/countryrank.php?region=Eastern%20Europe
23. Более подробно об этом см.: URL: http://erasmusplus.org.ge/files/publications/Research%20Projects/GEO/ICM%20Staff%20 Mobility%20Study%202019.pdf
24. МОСАКИ Н. Образовательный бэкграунд властной элиты Грузии и российско-грузинские отношения. — Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 9, с. 93—104.
25. CHANKSELIANI M. The politics of Student Mobility: Links between Outbound Student Flows and the Democratic Development of Post-Soviet Eurasia. — International Journal of Educational Development. 2018. Vol. 62, p. 281—288.
26. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
27. URL: http://government.ru/info/27864/
28. URL: https://www.5top100.ru/documents/library/
29. URL: https://docs.cntd.ru/document/1902103
30. URL: https://www.5top100.ru/documents/library/
31. URL: http://thu.edu.ge/uploads/files/partniorebi/Stavropol.PDF
32. URL: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-gurcistan-siyasi-iliskileri.tr.mfa
33. EMEL PARLAR DAL. Assessing Turkey's «Normative» Power in Middle East and North Africa Region: New Dynamics and their imitations. — Turkish studies. 2013. Vol. 14. No. 4, p. 709—734.
34. АВАТКОВ В. А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции. — Свободная мысль. 2014. № 3, с. 71—78.
35. YEŞILTAŞ M. The Transformation of the Geopolitical Vision in Turkish Foreign Policy. — Turkish Studies. 2013. Vol. 14. No. 4, p. 661—687.
36. URL: http://www.mfa.gov.tr/yeni-donemde-sifir-sorun-politikasi.tr.mfa
37. URL: https://eac.revues.org/689#tocto1n3
38. URL: https://eac.revues.org/689#tocto1n3
39. URL: https://www.yee.org.tr/tr/kurumsal/vizyon-misyon
40. САФОНКИНА Е. А. Турция как новый актор политики мягкой силы. —Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. Т. 9, с. 145—166.
41. URL: https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80/%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8-%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D1%8E%D1%82-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81-%D0%BA-%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%D0%B0%D0%BC-%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0/1737049
42. НУТФУЛЛИНА З. Г. «Мягкая сила» по-турецки. — Казанский вестник молодых ученых. 2019. № 4 (12).
43. URL: https://batumelebi.netgazeti.ge/news/152038/

44. URL: https://batumelebi.netgazeti.ge/news/152038/
45. КУДАЯРОВ К.А., БАЛДЖИ Б. Каковы перспективы движения Фетхуллаха Гюлена в странах Центральной Азии после неудавшегося переворота в Турции? — Социальные и гуманитарные науки. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. № 4.
46. IVANOV V. Religious Dimension of Turkey's Policy in Ajaria and the Georgian Orthodox Church. — Central Asia and the Caucasus. 2011. Vol. 12. Iss. 3, p. 79—90, 81.
47. KASATKIN P., AVATKOV V. The Soft Power of Migration — a Hard Task for the European Union. — Defence & Security Analysis. 2014, p. 3.
48. URL: https://turkeypurge.com/georgia-shuts-down-gulen-linked-school-as-principal-under-arrest-at-turkeysrequest
49. URL: https://hromadske.ua/ru/posts/turetskye-shkoly-v-hruzyy-zhertvy-polytycheskoho-davlenyia
50. URL: https://www.bbc.com/russian/features-45657769

View publication stats